

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(410)"19/20"

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-155-160

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ДИСКРИМИНАЦИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
РУБЕЖА XX И XXI ВЕКОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ***Д. Б. Вершинина*Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
daryapros@yandex.ru

Освещаются проблемы пересечения различных дискриминативных практик в жизни представителей современного британского общества. Обращается внимание на возможности и перспективы использования разных теоретических фреймов: гендерной теории, критической расовой теории, интерсекциональной теории и квир-исследований – для анализа положения меньшинств в Британии рубежа XX и XXI вв.

Ключевые слова: гендер, раса, сексуальность, дискриминация, Великобритания, интерсекциональная теория.

В условиях глобализирующегося мира опыт женщин из миноритарных этнических групп оказывается в центре внимания исследующих пересечение разных дискриминативных практик в индивидуальном жизненном пространстве конкретной женщины. Обращение к британскому примеру может быть продуктивно в связи с тем, что в начале XXI в. вопросы интеграции представителей этнических меньшинств приобрели в Британии актуальность в контексте кризиса политики мультикультурализма, о котором свидетельствовали еще лондонские теракты 2005 г.

Согласно переписи 2001 г. в Англии и Уэльсе проживало 4,9 млн представителей миноритарных этнических сообществ, из которых примерно половину составляли выходцы из Азии, а 25% – представители Карибских островов, африканцы или другие черные. Через десять лет, в 2011 г., судя по последней переписи населения в стране, небелое население составило уже почти 7,9 млн человек, или 14% населения Англии и Уэльса (Census, 2011...).

Среди представителей этнических меньшинств женщины оказываются одной из наиболее незащищенных категорий населения. Так, согласно правительственным данным уровень безработицы в среде небелых женщин Соединенного Королевства составил в 2011 г. 14,3%, что несколько выше уровня безработицы в среде цветных мужчин (13,2%) и существенно выше уровня безработицы в среде белых женщин (6,8%). Наиболее высок уровень безработицы в среде женщин черного (17,7%) и пакистанско-бангладешского (20,5%) происхождения (Ethnic Minority ..., 2012).

Представители ЛГБТ-сообщества также оказываются в зоне риска с точки зрения нарушения их прав. В 2012 г. две крупнейшие общественные организации Великобритании: защищающий права геев, лесбиянок и бисексуалов «Стоунволл» и поднимающий вопросы расового неравенства «Раннимид» – представили отчет «Одно меньшинство в один момент: быть черным и геем», согласно которому в стране проживает более 400 тыс. небелых геев, лесбиянок и бисексуалов. Закон о равноправии 2010 г. обязал государственные органы учитывать потребности и опыт обращающихся к ним лесбиянок, геев и бисексуалов. Аналогичные обязательства в отношении представителей этнических сообществ существуют в Соединенном Королевстве с 2002 г., и, хотя все отчеты и исследования демонстрируют определенный прогресс в понимании положения различных меньшинств в стране, все же, как пишут авторы отчета 2012 г., недостаточно большое количество чиновников до сих пор понимают, что «некоторые черные люди являются также геями, или инвалидами, или даже относятся к обеим категориям одновременно» (One Minority ..., 2012).

До принятия упомянутого закона о равноправии в 2010 г. в Британии в принципе не было национального законодательства, касающегося проблем пересечения гендерных и расовых дискриминативных практик, и лишь этим законом была предоставлена возможность заявить о двойной

дискриминации. Вполне логично, что одним из критических замечаний по поводу данного закона, инициированного лейбористами, стало утверждение о том, что дискриминативные практики могут быть не только двойными, но и множественными. Кроме того, идея двойной дискриминации, к примеру, одновременно по признаку пола и расы, не позволяет ставить вопрос о том, что комбинация разных идентичностей не является суммой различных проблем (и не всегда просто умножает дискриминацию), но рождает качественно новый опыт дискриминации и маргинализации. Что значит быть, например, черной негетеросексуальной женщиной в современной Британии – вопрос, который заставляет ученых искать методологические подходы к анализу множественности дискриминативных практик в современном мире.

Что касается официальных стратегий борьбы с гендерным неравенством в Великобритании, то они не предусмотрены для цветных женщин. Так, согласно официальной странице Хоум-Офиса, представленной в разделе «Равенство женщин», в 2012 г. лишь один правительственный проект затрагивал проблемы женщин из этнических меньшинств: это был составленный вместе с лондонской группой «Черные сестры Саутхолла» буклет «Три шага для того, чтобы избежать насилия в отношении женщин и девушек: руководство для небелых женщин и детей» (*Three Steps to Escaping ...*). За прошедшие годы в центре внимания британского правительства оказался лишь один вопрос, непосредственно касающийся цветных женщин, – о женском обрезании и борьбе с ним на территории Соединенного королевства. В 2013–2015 гг. ему было посвящено немало буклетов Хоум-Офиса, в то время как вопросы, связанные с дискриминацией на рынке труда, до сих пор не стали важными для британских государственных органов.

Между тем с развитием глобализационных процессов все активнее используется дешевый труд женщин, особенно женщин из этнических сообществ, и вполне логично, что в современной Британии вопросы соотношения расы, гендера, а в последнее время и сексуальности имеют уже достаточно длительную историю обсуждения.

Впервые подобная проблематика появилась в британском контексте в 1970-е гг., когда в рамках женского движения, развивавшегося начиная с первой общенациональной конференции женского освобождения, организованной в Рёскин-колледже Оксфорда в 1970 г., о своих проблемах стали заявлять цветные женщины, прежде всего выходцы с Карибских островов и из Азии, что позволило поставить вопрос о неоднозначности достижений феминизма второй волны. В своей критике белых феминисток британские черные и цветные женщины не были новаторами; скорее, они реагировали на то, что в Америке делали их соратницы по борьбе за включение проблем цветных женщин в повестку дня феминистских организаций. Опорными для них стали идеи, высказываемые за океаном Анджелой Дэвис, белл хукс (которая сознательно пишет свои имя и фамилию не с прописных букв) и другими черными феминистками. Согласно им, «феминизм ... никогда не исходил от женщин, наиболее сильно страдающих от сексистского угнетения; от женщин, которых ежедневно убивают – духовно, физически и психологически – и которые не в состоянии изменить условия своей жизни. Они составляют молчаливое большинство, которое принимает свой удел без какого-либо недоумения, без организованного протеста, без коллективного гнева» (хукс, 2001, с. 929).

Вслед за американскими британские феминистки уже в 1980-е гг. начали создавать «черную» феминистскую теорию: среди ставших классическими работ стоит назвать эссе Хейзел Карби «Белые женщины, слушайте! Черный феминизм и границы сестринства» (Carby, 1997) и статью Валери Амос и Пратибхи Пармар «Бросая вызов имперскому феминизму» (Amos, Parmar, 1984). Черные феминистки критиковали теорию патриархата за претензию на описание всеобщего и универсального опыта женского угнетения («... ты не могла быть там [в движении за женское освобождение. – Д.В.] черной женщиной; ты была там женщиной» (Black Politics..., 1984, p. 14)), в то время как, по их мнению, феминизм апеллировал к опыту белых женщин среднего класса, которые зачастую угнетали не только черных женщин, но и черных мужчин. Они заявляли поэтому о проблематичности неолиберального, или «имперского», феминизма, не видящего важности пересечения гендерных и расовых измерений в жизни представительниц этнических меньшинств, чьи проблемы и нужды далеки от потребностей белых женщин.

Карби выделяла три концепта, центральных для феминистской теории второй волны, но не столь очевидных для черных женщин: семью, патриархат и производство. По ее мнению, для многих черных женщин именно семья зачастую оказывалась важным источником сопротивления угне-

тению и защиты от него, а сами черные женщины нередко становились главами домохозяйства или переставали зависеть от черных мужчин финансово в силу высокого уровня безработицы в среде черного мужского населения. Кроме того, история труда черных женщин заставляла переосмыслить концепт производства, поскольку оказывалась связанной с черным домашним трудом в белых семьях. Все это, по мнению черных феминисток, требовало рассмотрения структур гендерного угнетения сквозь призму рабства, колониализма и империализма.

Осознание того, что феминизм в основном представлен белыми женщинами среднего класса, привело многих цветных британок к созданию собственных организаций. Одной из наиболее активно действующих была возникшая в 1974 г. «Группа черных женщин Брикстона», активистки которой утверждали, что «быть черной и феминисткой одновременно означает говорить о совершенно специфической грани феминизма...» (Black Feminism, 1984, с. 245), и призывали создавать автономное женское черное движение. Одновременно объектом их критики было антирасистское движение Великобритании, которое они обвиняли в маргинализации женского опыта.

Развитие «черной» феминистской теории позволило соединить два ключевых для 1980-х гг. теоретических подхода: гендерную теорию и критическую теорию расы. Так, введение понятия «гендер» в научный лексикон дало возможность осознать, что различие мужчин и женщин является социально сконструированным и, как пишет Жюльетт Ренн в статье, посвященной взаимоотношению категорий пола, расы, возраста и класса в современной французской теории, «понятие гендера обращено не на положение мужчин или женщин в отдельности, но на сам принцип разделения полов, на систему их иерархизации и на историческое определение женственности и мужественности как результата постоянных взаимных перемен и переключений, связанных с иными социальными изменениями» [Ренн, 2011, с. 145]. Следовательно, гендер можно было рассматривать как стратификационную категорию наравне с такими концептами, как раса, класс, возраст, сексуальная ориентация, инвалидность, статус мигранта и др. Поэтому теория социального конструирования гендера способствовала пониманию того, что гендер необходимо связывать с другими аналитическими категориями.

С конца 1970-х гг. начала развиваться и критическая расовая теория, что позволило сделать вывод о структурном расизме западного общества и проанализировать инструменты и последствия его расиализации. Начав с юриспруденции и обратив внимание на социальную сконструированность концепта «раса», сторонники критической теории стали исследовать, как в разные периоды в зависимости от колебаний, к примеру, рынка труда конструируется разное отношение к тем или иным этническим и расовым меньшинствам, как расизм пронизывает ежедневное взаимодействие людей разного цвета кожи, как маргинализация цветных мужчин и женщин принимает институционализированные формы и проявляется в государственной политике.

При этом так же, как и гендерная теория, критическая теория расы не просто развивалась как академическая дисциплина, но, скорее, предполагала акцент на активистской компоненте («она стремится не только понять нашу общественную ситуацию, но и изменить ее; она предпринимает усилия не только для того, чтобы выяснить, как общество самоорганизовывается по расовым признакам и иерархическим основаниям, но и для того, чтобы изменить общество к лучшему» (Delgado, Stefancic, 2011, p. 3).

Если первоначально феминистски ориентированные теоретики и исследователи, работавшие в рамках критической расовой теории, предпочитали сравнивать дискриминативные опыты, связанные с различными стратификационными категориями, то постепенно к ним пришло осознание того, что необходимо пытаться выявлять взаимовлияние этих категорий. В результате теоретических пересечений двух теорий на рубеже 1980-х и 1990-х гг. возникла теория «взаимопересечений», или интерсекциональная теория, основанная на признании множественности идентичностей. Ее представители призывали исследовать индивидуальный опыт женщин в историческом, социальном и политическом контекстах, не забывая об уникальности жизненных практик индивидов. При этом предполагалось выяснить, как разные опыты цветных женщин становятся продуктом пересекающихся моделей расизма и сексизма и как они игнорируются в феминистском и антирасистском дискурсах. Важной в теории взаимопересечений стала идея о том, что сочетание различных идентичностей (женщина, черная, лесбиянка) не просто увеличивает число проблем, связанных с принадлежностью к нескольким меньшинствам одновременно, но рождает, по существу, новый опыт.

Крупнейший исследователь в области критической теории расы и один из апологетов теории

«взаимопересечений», профессор Юридической школы Калифорнийского университета Кимберли Креншоу в эссе «Обозначая границы: интерсекциональность, политика индентичности и насилие в отношении цветных женщин» (*Crenshaw*, 1991) предложила использовать метафору дорожного трафика для понимания сущности множественных идентичностей и дискриминаций: раса, гендер, класс и другие категории выступают в ее теории как дороги, структурирующие социальную, экономическую или политическую территорию. К примеру, именно теория взаимопересечений позволяет обратить внимание на то, как представительницы этнических меньшинств попадают в тиски между домашним насилием и жесткой иммиграционной политикой, в соответствии с которой невестка-иммигрантка должна прожить как минимум год в браке, прежде чем получить право постоянного проживания в Великобритании. В результате женщины, которые боятся возвращаться в свои страны из-за страха еще большего насилия, а также нищеты, выбирают насильственные отношения в семье ради получения гражданства Соединенного Королевства.

В то же время создатели интерсекциональной теории обращают внимание на неоднозначность соединения гендера и расы. Так, борьба за равенство полов может рождать институционализированный расизм, когда, к примеру, черные мужчины представляются в публичных дискуссиях в большей степени склонными к насилию, чем белые, а мусульманское сообщество критикуется за жестокое отношение к женщинам, что может быть использовано в неокOLONIALном дискурсе государства как обоснование для ужесточения иммиграционной политики. Как писала еще в 1982 г. Х. Карби, «медийные ужасы про азиатских девочек и принудительные браки имеют малое отношение к их опыту. "Феминистская" версия этой идеологии представляет азиатских женщин как нуждающихся в освобождении не в терминах их собственных историй и нужд, но в терминах "прогрессивных" общественных нравов и традиций западной метрополии» (*Carby*, 1997, p. 47).

Вместе с тем политика мультикультурализма с позиций интерсекциональной теории может способствовать усилению гендерной дискриминации, проявляющейся в том, что лидеры этнических сообществ, которыми всегда являются мужчины, репрезентируют интересы своих групп, не беря в расчет ситуацию с гендерным равенством. В результате акцентирование идеи сохранения и трансляции культурных ценностей от одного поколения к другому приводит к консервации патриархальных семейных отношений и зачастую является причиной того, что государственные органы, прежде всего полиция, игнорируют факты дискриминации женщин в этнических сообществах. Иными словами, вопрос о дискриминации по признаку пола в этнических группах снимается благодаря обращению к либеральным принципам толерантности и уважения к разнообразию и различию.

Если вопросы соотношения гендера и расы начали рассматриваться в Британии, как и в других странах Запада, практически сразу же после возрождения феминизма в 1970-х гг., то добавление к изучению гендерной проблематики контекста сексуальности связано прежде всего с развитием квир-теории 1990-х гг., которая укрепила представление об отсутствии естественной врожденности идентичностей и позволила взглянуть на общество как инструмент создания гендеризированных, сексуализированных и расиализированных существ. Квир-теоретики размышляли о том, как искусственное конструирование различий между индивидами, будь то гендерные, расовые или связанные с сексуальной ориентацией, становятся основой властных отношений. И, хотя изначально в центре квир-теории находилась именно сексуальность, ее революционный потенциал гораздо шире вопросов, связанных с гетеро/гомосексуальностью, поскольку создатели теории определяли «сексуальную ориентацию как аутентичную и главную категорию квир-практики, тем самым делая квир-теорию способом переосмысления не только сексуального, но социального в целом» [*Somerville*, 2002, p. 728].

Методологические подходы французского историка и философа Мишеля Фуко и американского философа Джудит Батлер к изучению негетеросексуального опыта позволяли понимать идентичности как социальные практики, поскольку согласно квир-теории идентичность не является раз и навсегда данной сущностью, а представляет собой постоянно поддерживаемый и формируемый властным дискурсом процесс конструирования иерархий. По словам американского квир-теоретика и представительницы сообщества чикано (выходцев из Мексики) Глории Анзалдуа, «...идентичность – это не набор маленьких клетушек, соотносимых с интеллектом, расой, полом, классом, профессией, гендером. Идентичность течет между и над аспектами личности. Идентичность есть река, процесс» (*The Gloria Anzaldúa ...*, 2009, p. 166).

В отличие от теории интерсекциональности, в рамках которой рассматривается вопрос о взаимопересечении идентификационных категорий, в квир-теории исследуется необходимость их деконструкции, а также тесная взаимосвязь расистского дискурса с гендером и сексуальностью. Так, в викторианской Британии семья и брак воспринимались как важнейшие для сохранения чистоты крови институты. По мнению квир-теоретиков, любая политика, определяющая себя в терминах одной сексуальной ориентации, будет ставить в центр своего внимания именно принадлежность к белой расе («whiteness»). Кроме того, квир-теория позволяла поставить вопрос о том, что традиционные и доминирующие формы ЛГБТ-активности, являющиеся частью политики идентичностей, оказываются зачастую неприемлемы для небелого сообщества, что в пронизанной расизмом жизни как черных женщин, так и небелых представителей ЛГБТ-комьюнити семья играет слишком важную роль, поэтому они не могут применять стратегию камин-аута, т.е. раскрытия своей идентичности, и жертвовать семейными узами ради открытого заявления о своей гомосексуальности.

Изложенные методологические подходы к изучению гендера, расы и сексуальности позволяют получить представление о сложности такого феномена, как пересечение различных идентификационных категорий, а также наметить пути исследования соотношения гендера, сексуальности и расы в современном британском (и не только) обществе.

Список источников

- хукс б. Черные женщины: формирование феминистской теории // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001.
- Amos V., Parmar P. Challenging Imperial Feminism // *Feminist Review*. 1984. № 17.
- Black Feminism // *Sweeping Statements: Writings from the Women's Liberation Movement, 1981–1983*. London, 1984.
- Black Politics ⇔ Black Feminism: Brixton Black Women's Group talks about its part in British Black feminism // *Off Our Backs*. 1984. Vol. 14, № 11. December.
- Carby H. V. White woman listen! Black feminism and the boundaries of sisterhood // *Black British Feminism: A Reader* / ed. By H. S. Mirza. London; New York, 1997.
- Census 2011: Religion, Race and Qualifications - See How England & Wales Have Changed. URL: www.guardian.co.uk/news/datablog/2012/dec/11/census-2011-religion-race-education#data (дата обращения: 05.06.2016).
- Crenshaw K. W. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43, № 6.
- Ethnic Minority Female Unemployment: Black, Pakistani and Bangladeshi Heritage Women. URL: www.runnymedetrust.org/uploads/publications/pdfs/APPGfemaleunemploymentReport-2012.pdf.
- One Minority at a Time: Being Black and Gay. URL: www.runnymedetrust.org/uploads/publications/pdfs/OneMinorityAtATime-2012.pdf (дата обращения: 05.06.2016).
- The Gloria Anzaldúa Reader / ed. by Analouise Keating. Durham, 2009.
- Three Steps to Escaping Violence against Women and Girls. URL: www.homeoffice.gov.uk/publications/crime/3-steps-escaping-dv/english-3-steps?view=Binary (дата обращения: 05.06.2016).

Библиографический список

- Ренн Ж. Отношения между полами в узле расовых, возрастных и классовых отношений: гендерные исследования и дебаты во Франции в первом десятилетии XXI в. // *Laboratorium*. 2011. № 3.
- Delgado R., Stefancic J. *Critical Race Theory: An Introduction*. New York, 2011.
- Somerville S. B. Introduction: Queer Fictions of Race // *Modern Fiction Studies*. 2002. Vol. 48, № 4.

Дата поступления рукописи в редакцию 09.06.2016

INTERSECTION OF DISCRIMINATION IN THE UNITED KINGDOM OF THE LATE XX AND EARLY XXI CENTURIES: HISTORICAL CONTEXT AND THEORETICAL APPROACHES

D. B. Vershinina

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
inarsky@mail.ru

The article deals with the problem of crossing different discriminative practices in the life of the representatives of the contemporary British society. The author draws attention to the possibilities and prospects for the use of different theoretical frames such as gender theory, critical race theory, the theory of intersectionality and queer studies in the analysis of the status of minorities in Britain of the late XX and early XXI centuries. Through some British examples, the author investigates how new approaches appeared and proposed a new vision of the position of minorities. Intersectionality theory and queer theory are under analysis in the paper, and the author states that the intersection of gender, race and sexuality is problematized in contemporary society. For example, multicultural policy may cause severe gender discrimination in non-white communities where non-white men get power to rule the community. At the same time, the image of an oppressed Muslim woman may be used in the foreign policy of the West as a cause of some actions against Muslim men as aggressors.

Key words: gender, race, sexuality, discrimination, United Kingdom, intersectionality theory.

References

- Amos V., Parmar P.* Challenging Imperial Feminism // *Feminist Review*. 1984. № 17.
Black Feminism // *Sweeping Statements: Writings from the Women's Liberation Movement, 1981–1983*. London, 1984.
Black Politics ⇔ Black Feminism: Brixton Black Women's Group talks about its part in British Black feminism // *Off Our Backs*. 1984. Vol. 14, № 11. December.
Carby H. V. White woman listen! Black feminism and the boundaries of sisterhood // *Black British Feminism: A Reader* / ed. By H. S. Mirza. London; New York, 1997.
Census 2011: Religion, Race and Qualifications - See How England & Wales Have Changed. URL: www.guardian.co.uk/news/datablog/2012/dec/11/census-2011-religion-race-education#data.
Crenshaw K. W. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color // *Stanford Law Review*. 1991. Vol. 43, № 6.
Delgado R., Stefancic J. *Critical Race Theory: An Introduction*. New York, 2011.
Ethnic Minority Female Unemployment: Black, Pakistani and Bangladeshi Heritage Women. URL: www.runnymedetrust.org/uploads/publications/pdfs/APPGFemaleunemploymentReport-2012.pdf.
khuks b. Chernye zhenshchiny: formirovanie feministskoy teorii // *Vvedenie v gendernye issledovaniya*. Ch. 2: Khrestomatiya / pod red. S.V. Zherebkina. Khar'kov; SPb., 2001.
One Minority at a Time: Being Black and Gay. URL: www.runnymedetrust.org/uploads/publications/pdfs/OneMinorityAtATime-2012.pdf.
Renn Zh. Otnosheniya mezhdru polami v uzle rasovykh, vozrastnykh i klassovykh otnosheniy: gendernye issledovaniya i debaty vo Frantsii v pervom desyatiletii XXI v. // *Laboratorium*. 2011. № 3.
Somerville S. B. Introduction: Queer Fictions of Race // *Modern Fiction Studies*. 2002. Vol. 48. № 4.
The Gloria Anzaldúa Reader / ed. by Analouise Keating. Durham, 2009.
Three Steps to Escaping Violence against Women and Girls. URL: www.homeoffice.gov.uk/publications/crime/3-steps-escaping-dv/english-3-steps?view=Binary.